

A black and white photograph of a woman with long dark hair, wearing a dark, long-sleeved dress, sitting on the floor of a prison cell. She is looking out of a window with heavy metal bars. The cell walls are made of stone or concrete blocks. The lighting is dramatic, with the light coming from the window, casting shadows on the floor and walls.

Глеб Савченков

# Благородие

18+

# Глеб Владимирович Савченков

## Благородие

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=70370794](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70370794)*

*SelfPub; 2024*

### **Аннотация**

Русских Елизавета Анатольевна, 1993 года рождения, за статью 134 уголовного кодекса российской федерации, вы осуждаетесь на один год лишения свободы. Рассказ о молодой девушке, осужденной на год лишения свободы за соращение несовершеннолетнего. В пути в тюрьму она вспоминает произошедшее и сталкивается с нележкой реальностью своего будущего за решеткой. Напряженная атмосфера в автозаке отражает ее внутреннее состояние, а печальный финал на окраине города символизирует ее погружение в новую жизнь за решеткой.

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	19

**Глеб Савченков**  
**Благородие**

# Глава 1

Дешевая резина медленно плавилась от трения с горным серпантином, ужиком пронося автозак вперед. Плотные ряды сосен влетали в окна машины, не давая сосредоточить на себя взгляд. Яркое солнце медленно обогащало крышу ультрафиолетом, провоцируя выделение пота у всех внутри. Толстый охранник, в строгой форме, явно ему не шедшей, постоянно тер лоб, в попытках сохранить его сухим. Капли падали на его серую рубашку, делая ее цвета асфальта. Конденсат с руки, бесшумно, стекал на пол машины, распространяясь, постепенно промачивая обувь сидящих.

Другая рука охранника неуверенно удерживала цепь, идущую к кандалам, навешанным на юную девушку, сидящую напротив. Цепь игриво брэнчала, совершив автозак резкий поворот или начни взъезжать в гору.

Взгляд девушки внимательно следил, как под ее ногами образуется солоноватая лужа. Мысли вертелись о несправедливости и абсурдности произошедшего пару часов назад, снова и снова погружая девушку в воспоминания.

*"Русских Елизавета Анатольевна, 1993 года рождения, за статью 134 уголовного кодекса российской федерации, вы осуждаетесь на один год лишения свободы."*

Всего одно предложение судьи завязало крепкий узелок на нити, бережно плетенной Мойрами для девушки, застав-

ляя плутать по нему в течении года. Если бы та женщина так громко не кричала "растлительница", "проститутка", "он еще дите", то присяжные, отринув эмоции, могли бы вынести условный приговор. Но получилось, как получилось, мальчишке было всего шестнадцать и их неловкий петтинг у нее дома был признан за соращение несовершеннолетнего. Как глупо было связаться с ребенком...

Сквозь глупые глаза охранника просвечивалось сочувствие, однако, сделать он ничего не мог. Лишь желал о том, чтобы девушка знала – ему не всё равно. Автозак беспрекословно следовал указанию педали газа, целеустремленно нажимаемой водителем. Протекторы, на его обуви, жертвенно сдирались с каждым нажатием. Комары плотным строем камикадзе разбивались о лобовое стекло машины, из-за всех немощных сил стараясь отдалить приближение тюрьмы. Один, два, три, десять, двадцать, движение дворников, один, два, три... Запах дешевого табака, в перемешку с канцерогенами, заполнили автозак, водитель закурил.

Лужа на полу начала расти быстрее, получив новый источник со стороны девушки, не столько солёный, сколько горький.

Плавно снижая скорость, автозак притормозил у входа в тюрьму. Оставляя за собой след, окрашивающий дорогу в черный узор канальчиков, пронизывающих шины по площади. Мрачная бетонная коробка, чересчур нагромождённая переплетениями колючей проволоки, похищала всё накоп-

ленное спокойствие девушки. На одной из стен весел целлофановый пакет, развиваясь, словно на флагштоке.

Она ощутила слабость, безжалостно подкашивающую ее ноги. С детства ей не приходилось напрягаться, чтобы стоять, но сейчас для этого требовалась концентрация. Звонок об открытии ворот тюрьмы, как глашатай, пронесся по улице, приводя девушку обратно в сознание. Со стороны тюрьмы к ней вышло двое охранников.

Ощувив, давно закопанное, прикосновение чувства сострадания к этой юной и хрупкой девушке, водитель, отвернувшись, передал ей помятую пачку синего "Winston'a".

– Держи, – сказал водитель, – тебя уже обыскали в ИВС, тут не должны.

– Я не курю.

– Не важно, курят там, – водитель впихнул в руки девушки пачку, и прикусил губу.

– Спасибо. – Скромно ответила девушка, пряча сигареты под полосатую робу.

Подошедшие охранники взяли девушку под руки, ноги еще не пришли в себя, и им пришлось дотаскивать ее до входа в тюрьму. Не взглянув назад, она оставила взгляд водителя для созерцания ее отдаляющийся спины.

Водитель начал выкручивать руль, плавно разворачивая автозак. В чистом лобовом стекле перед ним возник тот же серпантин что и раньше. Завтра ему снова ехать по нему.

– Нужно в выходные новые ботинки взять, – сказал он,

смотря на охранника в машине.

– Угу.



## Глава 2

– И я короче, беру его за волосню, своей крепкой правой, – приплёскивая слюной кричала Вася, – опускаю вниз. И он начинает работать.

– Ну ты выдала Вася, как всегда! – Кричала в ответ одна из сокамерниц, – поставила голубка на место!

– И на самое правильное место, откуда вылез, пускай там и работает. – Согласилась другая.

– Да бабы, ставить мужиков на место – это мое. – Со смехом подтвердила Вася.

Стальное ограждение, предваряемое, шипящим бубнежом электронного извещателя, со скрипом, открыло проход в камеру. Женщины, ранее занятые милой беседой, все скопом, обратили внимание на девушку у входа, за спиной которой стояло двое охранников. Одетые в камуфляжную форму, снаряженные дубинками и перцовыми баллончиками, охранники, одним своим видом, вызывали покорность, особенно у женщин. Золотые часы на руке одного из них, отлично сочетались с такого же цвета крестиком, висевшим на шее другого. Настроение у них было задорное, несмотря на будничные суровый нрав. Первый был русским, гладко выбритый, демонстрировал свою кожу цвета слоновой кости. Нахальная, острая улыбка, заточенная долгой работой в тюрьме, приклеилась к его лицу. Другой же был дагестанец,

длинная борода которого, доходя до грудной клетки, заканчивалась насаженными на нее матовыми бусинами. В глазах их, спрятанная показным весельем, таилась перевозчанная животная жестокость, угрожающая быстрой расправой при спорах с ними.

Девушка, стоящая спереди двух стражей порядка, походила на тонкую иву, растущую в авангарде дубового лесного массива. Робко переступая с ноги на ногу, явно нервничая, она хотела поскорее покинуть общество охраны.

– Утро, бабье! – Низким голосом, сдержано произнес охранник Аваз. – К вам новенькая. Звать Лиза, девятнадцать лет отроду. Не обижать, не задирать и никаких других негативных поползновений в ее сторону не совершать, все ясно? – Утверждая значимость его слов, другой охранник ударил дубинкой по решетке, создавая звонкий, пронзающий гул, надолго задерживающийся в ушах.

– Понятно начальник, все понятно! – Ответила Вася. – Запускай ее уже, хватит девку пугать. Позаботимся мы о ней.

– Не дури мне Вася, чтобы все так и было. Ты меня знаешь, никакая Оксана тебе не поможет. – Ответил Аваз, подталкивая Лизу в камеру.

Клетка начала медленно закрывать путь на выход после того, как Лиза оказалась в своем новом доме. К ее удивлению, женщины сразу отобрали внимание, и продолжили заниматься своими делами, отстраненно указав ей на кровать, с заранее подготовленным бельем.

Лиза засмотрелась на татуировку, игриво выглядывающая из-за спины ее сокамерницы. Карикатурное изображение приветливо махающего скелета, в ушанке, стоящего позади деревянной хижины, с надписью “Тю-тю, на 10 лет”, немного позабавило девушку.

Каркас кровати демонстрировал общее состояние тюрьмы. Исходя из этого частного, можно было прийти к плачевному общему. Облезлая местами краска, оттеняла серебристо-железные прутья, составляющие ложе. Если бы из подобного металла были сделаны и сами клетки, для любой женщины был бы доступен путь к свободе. Заостренные пластинки былой краски, грозили многочисленными царапинами, если нервно ерзать во сне. Матрас утерял свою, то ли мягкость, то ли упругость, и представлял собой просто субстанцию, отлично провоцирующую бодрость в любое время. Тоже самое было с подушками.

Ощущая, сквозь тюремные сланцы, ледящий, каменный пол, Лиза встала на ноги, с желанием поговорить с сокамерницами. Отталкивающая внешность женщин, сильно мешала природной доброжелательности девушки, ей тяжело было преодолеть барьер формы. Собрав всю уверенность где-то в области горла, нацеленная на то, чтобы не сбиться и не сделать голос слишком нежным и высоким, Лиза обратилась к Васе, с виду являющейся главной в этой камере.

– Доброе утро, – с показной уверенностью сказала Лиза, – я – Лиза, а вы?

– А нас, Василиса Игоревна, – с улыбкой ответила Вася, – для своих просто Вася. А ты теперь уж, вся наша. И ты, это, поаккуратнее с тапками, непонятно кто до тебя их носил то, грибок – все дела. Сначала помой.

Лиза явно не была рада этому замечанию сокамерницы. Ей не хотелось начинать считать ее своей, не хотелось осознать себя в заключении, но за совет, она была благодарна.

– Хорошо. Вася, – робко продолжила Лиза, – могла бы ты помочь мне адаптироваться тут. Я была бы очень благодарна.

– Хах, – усмехнулась женщина, – ты тут такими словами не разбрасывайся, за благодарность и спросить потом могут. А это, кстати, тебе и первое правило. Так, что там еще..., не груби охранникам, там голубки еще те, чуть слово, сразу дубинка. Дорогу лучше тоже никому не переходи, особо не светись и время пройдет быстро и беззаботно. Собственно все, располагайся.

Лиза вынула из-под робы синюю пачку сигарет. В одно мгновение, Вася, быстрым движением руки, отобрала пачку, улыбаясь новому приобретению.

– А вот и благодарность! – Смеясь, сказала Вася, – быстро схватываешь!

Вспомнив о том, что дорогу лучше никому не переходить, Лиза смирилась с утратой, щедро подаренных водителем сигарет.

Ноги быстро начали отдавать свое тепло полу. В надежде согреться, предварительно застелив койку, она села на нее,

укутавшись в одеяло, что также повеселило ее сокамерниц.

– Девочка, а ты знаешь, почему у нас, в женской тюрьме, охранники мужчины? – С непонятной алчностью, спросила одна из сокамерниц. – Неужели, тебя это совсем не волнует?

– Волнует..., наверное, – непонимающе ответила Лиза.

– Получается, очень хочется тебе узнать, как же так вышло, да? – Спросила уже другая сокамерница, что к удивлению, начало раздражать Васю.

Лиза не понимала, что происходит, но решила следовать заданному, ее сокамерницами, вектору и незаинтересованно кивнула.

– Ваааая, может, тогда, расскажешь ей? – Сказала одна из женщин, – сама же видишь, не уснет же дитя, всю ночь гадать будет. Ну спаси же ее, вон, какие новые сигареты у тебя есть!

– Бестии, воистину бестии, – раздосадовано ответила Вася, – ну, что поделатъ, вам, еще раз, никогда не рассказала, а новенькой узнать стоит. Готовьте все, сейчас я расскажу про “Великое восстание дубачек”.

Женщин засуетились. Хладный, каменный пол был устелен милым покрывалом, явно контрабандным, однако, так хорошо подходившим к уютным дружеским посиделкам. Кипятильник принялся нагревать воду в широкой металлической кружке, увлажняя камеру испарениями. Женщины подготовили четыре кружки по меньше, закинув в них пару ложек сахара и по пару-тройку пакетиков чая. В кружке Ва-

си чай был зеленым.

Закончив обустройство камеры, все расселись по кругу, направив свои взгляды на Васю. По женщинам было видно, они слышали эту историю не в первый раз, однако их задор интриговал Лизу, что снова заставило ее глаза немного поиграть живостью.

Подогнув колени под шею и поставив на них подстывшую кружку чая, Лиза надеялась немного согреться в, постепенно отбирающей ее тепло, тюремной камере. Пар, исходящий из кружки, мило заигрывал с ее носом, резкий и грубый аромат, все же напоминал чай. Если чай мог оставаться самим собой в этой клетке, значит и Лиза может сохранить саму себя здесь, и это давало ей надежду.

Дождавшись остывания напитка, Вася резким взглядом потребовала тишины у слушателей. Как только все замолчали, причмокнув из кружки, она начала рассказывать.

*“Около семи, может быть восьми лет назад, здесь еще работали бабы, преимущественно бабы, кроме начальника, на это место только мужиков и ставят. С дубачками было легче, все-таки, есть какая-то солидарность, между нами, так что, сиделось не сложно. Но, увы, начальник – мужик, в бабьем коллективе, и он быстро начал наглеть. Тут недоплатит, там ущипнёт, где-то накричит, доходило даже до избиения.*

*И, короче, дубачек это все порядком задрало. Бабы собрались, вооружились дубинками и начали камеры открывать.*

Мы не могли ничего понять, разбегались кто куда, но, дубачки дурами не были. Камеры, конечно, открыли, но сама тюрьма оставалась заперта, да и к ним никто не лез, дубинкой огрести не охота. А вот начальник, начальник к нам относился даже хуже, чем к ним.

Помню, какую-то девку пытался расчехлить у себя в кабинете, та еле выбилась, ну, он разозлился и избивать ее начал. Стояла у него тогда статуэтка, за лучшего руководителя области, ирония сука. Ну вот он и подтвердил свою награду. Статуэтка тяжелая была, из гранита, резко плюхнувшись на голову девке, сделала ее полностью безотказной, на пару часов точно. Забавное самое, ему то все с рук сошло, сказал, мол бунт, убить его пыталась, вот он и защищаться принялся. Еще бы ему новую награду за самооборону дали, может тогда дубачки раньше двигаться начали.

Так вот, в тюрьме анархия, девки бегают кто-куда, ищут крови, как гончие на охоте. Кто поспокойнее, тихо по парам сидели в камерах, радуя друг дружеску. Дубачки не вмешиваются, закрылись у себя, да чай пьют, как мы сейчас.

Девки наши не робкие, быстро нашли кабинет начальника. Выломали дверь. Потом еще одну дверь, хрупкую такую, если ты понимаешь, о чем я. Ах-ха-ха-ха. Короче, жопу начальника они взяли. Благо статуэтку он не выбросил, оставил на память. Туго она входила, долго заталкивали, но баба и беса обхитрит, а тут жопка к креслу привыкшая. Все вошло. Как он орал, боги, правда слышно не особо было, мы

смеялись громче. Ты не думай, что мы там, не православные, что страданиям радуемся и прочее. Просто показали, как верблюд в игольное ушко проходит. Аха-ха-ха-ха-хаах.

Умирал он медленно, как нам рассказали потом дубачки, внутреннее кровотечение, постепенно, перекрывало ему дыхательные пути, приближая к смерти.

Потом все быстро закончилось, дубачки вызвали спецуру, те с нами уже не играли, всех заломили и по камерам.

Вот с того случая, женщины в этой тюрьме и не работают. Одна осталась конечно, Оксанка, самая лютая. Только она этим голубкам новым не дает делать, что хотят. Держит их крепко, а мы и не беспокоимся.

Вот и вся недалеко.”

Женщины, захлебываясь чаем, насыщались былой атмосферой смеха над начальником, представляя собой тень бывшего хохота. Лизе весело не было. Осознание того, что такое возможно в этой тюрьме, подавляло ее и так угнетенное состояние.

– И как, мужчины ведут себя прилично? Тот охранник, не русский, вроде бы хороший. – С надеждой спросила Лиза.

– Час от часу не приходится. В основном слова, вроде девок не лапают, и на этом спасибо. Хотя какие им девки, они же точно все голубки там! – Вызывая всеобщий смех, ответила Вася.

– Точно сказала, как пить дать голубки!

Лиза начала ощущать дружескую атмосферу в камере, по-



немногу расправляя плечи, она делала свои движения более вальяжными и свободными.

– Вася, слушай, а тут есть кто-нибудь, кто может доставать вещи?

– Шнырь типа?

– Наверное да... – Неуверенно подтвердила Лиза.

– Кое-кто есть, а что тебе нужно уже, только заехала, все же выдали.

– У меня с детства плохое зрение, глаукома, конъюнктивит, целый медицинский справочник на глазах ношу. – Лиза неловко потерла лоб. – А сюда очки не пропустили, говорят мол стекло, порежешь себя еще, и прочую чушь. Лишь бы помешать жить нормально. – Возмутилась девушка.

– Очки, очки, очки... Есть Наташка, на пару этажей выше нас сидит. Достает обычно, что попросят. – Вася немного остановилась, – за ответную услугу, естественно. Что она за очки попросит, я не знаю, однако, цену она никогда не меняет. Начнешь торговаться, просто перестанет с тобой дела иметь.

– Хорошо, а как мне с ней встретиться?

– На общей прогулке камеры все открывают, можно походить, она всегда у себя остается, ноги, вроде, больные, ходить не любит.

Лиза воспылала надеждой. Угощение чаем, теплые покрывала, спрятавшие от нее холодный каменный пол, дружеская беседа и скорая возможность получить очки – все это

уверила ее в легкой отсидке. Все-таки в тюрьме нет никакой довлатовщины, такая же жизнь, как и на свободе, те же люди, те же беседы. Год будет легким.

## Глава 3

Звонок на свободное время оглашал новый приступ одиночества в камере Наташки. Все ее подруги-сокамерницы выходили прогуляться по тюрьме, поболтать с другим женщинами, скрашивая ежедневную скуку обменом новостями. Казалось бы, такая обычная, скучная болтовня, но ей очень этого не хватало. Не хватало чего-то обыденного и нормального.

Существование ног вновь начало насыщать ее тело давящей болью. Вздутые, синюющие вены, следствие высокого давления, с каждым движением причиняли ей страдания. Тяжелые стоны заполняли одинокую камеру.

Нога зачесалась. Решить эту проблему, значило получить еще один приступ боли, который пугал ее гораздо больше, чем усиливающиеся раздражения на ее коже. Так и пролежала бы Наташка в своих страданиях, если бы в этот перерыв к ней не пришла некая девушка.

– Здравствуйте, меня зовут Лиза, – вежливо представилась она, – моя сокамерница сказала, что вы можете помочь мне достать очки.

Наташка пристально смотрела на девушку. Лиза похладала здоровьем и беззаботностью, такими редкими качествами в тюрьме. Пока еще нежные, рыжие волосы, падающие до плеч, подавали старой женщине невольный сигнал, прикос-

нуться к своим. Такое девичье, переступание с ноги на ногу, перед входом в камеру, надежда в глазах, направленная на Наташку – все это приводило женщину в ярость и глубочайшую скорбь.

Она никогда не просила за свои курьерские услуги оплаты сверх меры, всегда довольствовалась какими-либо бездельцами. С ее связями на воле, достать что-то – не было проблемой. Но в этом месте, для старой женщины, высшим благом было обычное, такое невинное, человеческое внимание. Так, к ней снова и снова приходили новые люди, со своими просьбами, одаривая ее возможностью поучаствовать в их жизни, утвердить свое существование. Помогая убогим, она, зачастую, чувствовала себя, как Мать Тереза, в свои лучшие годы, что также хорошо скрашивало ее будни.

Но сейчас, перед ней стояла девушка, еще не успевшая познать все тяготы тюремной жизни, не ощутившая необходимого перелома сознания для перехода в суровую реальность. Улыбка, искра в глазах, задор и беззаботность в ней, создавали в душе Наташки ужас.

Она понимала, что в ее состоянии, у нее не хватит сил, помочь Лизе осознать окружение, недоставало необходимого ключика, чтобы по-настоящему открыть двери в тюрьму.

Вспомнив про свои связи не только за границами тюрьмы, но и внутри, она решила, как сможет помочь Лизе. Осталось только, взять что-нибудь в оплату.

– Очки значит, – хриплым голосом сказала Наташка, – ну,

садись ко мне на койку, и помассируй старой женщине ноги. Только очень аккуратно. А я тебе историю расскажу, чтобы нескучно было!

Массаж ног далеко не худшее, из того, что представляла себе Лиза. Конечно, тоже не особо приятное действие, однако ничего за рамками приемлемого.

Аккуратно возложив свои нежные руки на ноги Наташки, Лиза приступила медленно массировать их, стараясь не перебарщивать с силой.

– Да! Вот так хорошо. Продолжай! – Восторженно сказала женщина, – а расскажу я тебе, хм..., расскажу про Кристину, про “Кристину-Висельницу”.

“Была у нас в тюрьме баба, вся такая просветленная, открытая, все познавшая, якобы. И не знаю как, но договорилась она с администрацией, устроить у себя в камере центр эвтаназии из подручных средств. Короче, где-то начиталась она, мол, лишение свободы, хуже смерти. И решила у себя повесить петельку, да с мылом. А начальникам только плюс, лишний рот в тюрьме и никаких вопросов. Все-таки посетительниц не так много было, может в год пару девочек. Зато если кто-то в тихую хотел, теперь можно было не прятаться и к Кристине пойти. Очень удобно.

Так вот, пришел значит, к ней начальник, это получатся, позапрошлый. Ну, и решил исповедоваться. Говорит, мол, ты святая, тебе доверится могу. И рассказал, дурак старый, как девушку одну, из тюрьмы, силой взял. Убить не смог,

оформил перевод в другую тюрьму. Плакал сидел, стыдно было, мразь, одним словом. Сам с чувством вины справиться не смог, решил через бога индульгенцию получить.

Кристина баба была сильная, не просто так всю жизнь сидит. Она начальника сзади обошла и на петлю насадила. Долго держала его, тот все барахтался и барахтался, но, через пару минут повис без сил, синий как слива.

Кристина ничего скрывать не стала, сразу сдалась дубачкам, без боя, легендарная баба. Говорили потом, между нами, что ее где-то в подвале тут и расстреляли, так оно или нет, я уже не скажу, но то, что казнили ее, так точно.

Жалко, конечно, камера с висельницей очень удобна была, сейчас уже бюрократия везде, все по документам, такого не пропустят. Эх, оставила нас доживать сроки, Кристинка, Кристинка. Не такая уже святая получается. Ха-ха-ха-ха.”

Глухой удар дубинки о клетку отвлек Лизу от массажа. У входа в камеру стоял Аваз.

– Что здесь происходит, заключенные?

– О, Авазик, – непринужденно воскликнула Наташка, – ты как раз кстати.

– Чего?

– Помнишь, должок за мной, за Оксанку?

– Помню.

– Так вот, возьми эту девушку, отведи к себе, сам знаешь куда. Только это, я ей очки обещала, достанешь ей очки.

– Эту? Она же сегодня приехала только. – Испуганно от-

ветил Аваз.

– И как раз, приехала и без очков – непорядок! – Весело ответила Наташка.

Лиза не совсем поняла их разговор, однако, точно услышала, что заработала на очки. Улыбнувшись, она встала с койки и пошла в сторону Аваза.

– Спасибо вам! – Чуть ли не поклонившись, сказала Лиза.

– Не за что, девочка, не за что, если что-то понадобится, приходи снова! Всегда рада, всегда.

Аваз взял под руку Лизу и увел из камеры.

Пройдя до кабинета охраны, охранник открыл перед ней дверь, впуская в более обустроенное жилище, чем ее. В нем никого не было.

– Так, садись, – Аваз строго указал Лизе на стул рядом.

– Хорошо, – непонимающе ответила девушка.

– Понимаешь, за Наташкой должок есть один, как-то и мне услуга понадобилась, да Оксанка, тварь, прервала. Наташка сказала, что теперь она на тебе висит, за очки, естественно, понятно?

– Но я... – Прикрикнула Лиза.

– Понятно? – Взмахнув дубинкой, перебил ее охранник.

– Да. – Смирно ответила девушка.

– Знаешь, неплохо было бы помочь тебе на самом деле, очки дело важное, – сказал Аваз, вселяя в Лизу новый виток надежды. – Долгими зимами, у нас в кишлаке говорили: “Человек человека греет” – я тогда малой был, не понимал

к чему это, но сейчас понял.

Не дав Лизе ответить, Аваз, возвышаясь над ней, как Ара-рат над предгорной деревней, начал растягивать ширинку.

– Что вы дел...?! – Удар дубинки прервал ее вопрос. Лиза хорошо понимала, что он хочет сделать.

Густой запах мочи ударил ей по носу. В неожиданности, ее чуть не стошнило. Вот, какую услугу имела ввиду Наташка.

Вопрос очков уже не стоял перед ней, сейчас, над ее голо-вой главенствовала тяжелая рука Аваза, обнимающая дубин-ку. Страх, завладевающий любым зверем, пойманном в се-ти, парализовал мысли Лизы. Перед ее глазами, нелепо бры-кался член, в жалких попытках эрегировать.

Потихоньку подчиняясь восточной воле, в голове девуш-ки пролетали истории, рассказанные сокамерницами.

Из любой ситуации, всегда есть несколько выходов, это показали ей дубачки и Кристина, однако, Лизе сидеть нужно всего год, и стоит ли поступить также радикально, перекусив нити, аккуратно плетенные Мойрами?

Наполнившийся кровью член дотрагивался до красных щек Лизы. Протиснувшись в ее рот, зубы которого, отражали бесконечный калейдоскоп его же копий. Слюна наполняла рот, обволакивая его нескончаемыми потоками вязкой жи-жи...

*"Русских Елизавета Анатольевна, 1993 года рождения, за статью ... уголовного кодекса российской федерации, вы осуждается на ... лишения свободы."*